

Е.Е. Скворцова
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель д.филол.н., профессор Г.П. Козубовская

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В РАССКАЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «МУМУ»

Аннотация

В статье предложен анализ рассказа И.С. Тургенева «Муму», традиционно трактуемого в социологическом ключе. Мифопоэтический подход открывает возможность постижения общечеловеческого смысла рассказа.

Ключевые слова: архетипы, И.С. Тургенев, мотив, повтор, природа, рассказ, симметрия.

В отечественном тургеневедении в истолковании рассказа «Муму» (1854) сложились две традиции: антикрепостническая (гнет крепостного права, уничтожающего личность) и национальная (национальный русский тип). В одной из современных работ сказано однозначно: «Ключ к пониманию произведения И.С. Тургенева – в рабской психологии русского человека, которую классик виртуозно воплотил в образе бессловесного дворника» [3]. В одних трактовках преобладает крен в православие, в других – в психоанализ. Общечеловеческий смысл рассказа совершенно утрачен. Его обретение возможно в мифопоэтическом прочтении рассказа, один из вариантов которого предложил И. Турбанов [4]: интересны библейские параллели, но наблюдения автора статьи в духе психоаналитического подхода представляются натяжкой. Наш подход в какой-то степени продолжает наблюдения, сделанные И. Турбановым, но не совпадает с ними и с выводами автора.

В название рассказа «Муму» вынесена кличка собаки, которую ей дал глухонемой Герасим. Сюжет строится вокруг истории Муму.

С Герасимом связан мотив богатырства: «Одарённый необычайной силой, он работал за четверых ... и весело было смотреть на него, когда он либо пахал и, налегая огромными ладонями на соху, казалось, один, без помощи лошадёнки взрезывает упругую грудь земли» [5, с. 263]. Образ строится на фольклорном начале. В метафоре «упругая грудь земли» И. Турбанов увидел античный миф, «где в землю засевались зубы дракона, из которых потом вырастали воины» [4]. Важно упоминание того, что богатырство Герасима питается родной почвой, и олицетворенная природа предстает в материнской ипостаси.

Сравнения Герасима с природой выполняют разную функцию.

Автор подчеркивает его «природность», невыделенность из мира природы уподоблением дереву: «...отчужденный несчастьем своим от сообщества людей, он вырос немой и могучий, как дерево растет на плодородной земле...» [5, с. 264], миру фауны. Причем в этих сравнениях

наблюдаются колебания между комическим и серьезным: с одной стороны, «молодой, здоровый бык» [5, с. 264], с другой – «гусь, известно, птица важная и рассудительная... он сам смахивал на степенного гусака» [5, с. 265]. Это сравнение готовит оппозицию город/деревня, а деревня в русской литературе – пространство идеальное, гармоничное, в отличие от города. Одновременно с этим обозначение «дикой» природы в Герасиме: «звериное» обозначается в нем отчетливо в минуты тоски: «бросался на землю лицом... как пойманный зверь» [5, с. 264].

Герасим – немой, этим он отделен от окружающих, на которых не похож, поэтому он часто общается с природой, которая его понимает. Он часть этой природы, в которой полярности добра и зла сопряжены. Но в отличие от природы, для Герасима «добро» и «зло» различимы. Не отягощенный социальными понятиями, он вносит справедливость в мир, где она нарушена.

В мире Герасима все двоится. Отгороженность его от мира выражается в устройстве жилища: каморка, в которой и кровать, и стол, и все вещи уподоблены ему, богатырю. Каморка двузначна: с одной стороны, это его личное пространство, оберегающее от чужого глаза (сравнение замка от каморки с калачом вносит элемент комизма: Герасим запирает жилище, т.к. не любит гостей, но к нему, согласно пословице, и «калачом никого не заманишь»), с другой – подобие клетки (так срабатывает сравнение «как пойманный зверь»).

Имя Герасим произошло от греческого имени Герасимос, означающее «уважаемый», «почтенный». Имя в сочетании с богатырством обеспечивало его положение в барском доме. Уважение добавилось, когда он проучил воров («он однажды ночью, поймав двух воров, стукнул их друг о дружку лбами, да так стукнул, что хоть в полицию их потом не води, все в околотке очень стали уважать его»), потом кастеляншу, изводившую Татьяну, пригрозил пьянице Капитону и т.д. А барыня «его жаловала как верного и сильного сторожа» [5, с. 268].

«Богатырство» Герасима в глазах окружающих обретало семантику «демонического»: он внушал страх Татьяне и всему женскому полу («Вишь, глухой черт, леший! [5, с. 268]») – говорили все после истории с кастеляншей), Гаврила, рассуждая о желании барыни женить Капитона на Татьяне, боится, что узнав об этом, Герасим «всё в доме переломает», Капитон боится соперничества, наделяя Герасима всякими ругательствами, в которых выражается «природное негативное» («леший, кикимора-то степная [5, с. 271]»); «Ведь это какой-то зверь, идол, ... хуже идола... осина какая-то [5, с. 271]»). Еще один зооморфизм в упреках, брошенных озабоченному устройством свадьбы Гаврилы Татьяне: «И чем ты этого медведя к себе приворожила? А ведь он убьет тебя, пожалуй, медведь этакой...» [5, с. 272]. В связи с этим значим цвет ключа от каморки – черный.

Принцип симметрии организует сюжет, но эта симметрия не сразу ощущается. Татьяна и Муму – похожие существа. Татьяна – маленькая, худая, Муму – небольшой щенок с худеньким телом. Татьяна – белокурая, с

родинками на левой щеке («Родинки на левой щеке почитаются на Руси худой приметой – предвещанием несчастной жизни... Татьяна не могла похвалиться своей участью» [5, с. 267]), Муму – белый с черными пятнами. И та и другая бессловесны. Муму для Герасима замещает Татьяну: не ставшая хозяйкой Татьяна и полноправная хозяйка Муму («только в Герасимовой каморке она была полная хозяйка» [5, с. 276]).

Линейный сюжет строится как серия утрат Герасима: сначала отторженность от матери Земли («женское» как «материнское»), затем потеря Татьяны («женское» как «любовное»), потом собаки («женское» как «детское»). Причем персонифицированное «женское» усиливает боль этих утрат.

Поэтика повтора срабатывает так, что это не простое повторение ситуаций: во втором случае – все драматичнее. Провожая Татьяну («Он хотел проводить ее до заставы и пошел сперва рядом с ее телегой, но вдруг остановился на Крымском Броду, махнул рукой и отправился вдоль реки» [5, с. 275]), он отступает, смирившись с потерей. Потеря Муму его настолько ранит, что он понимает невозможность больше жить здесь («Герасим долго глядел на нее; две тяжелые слезы выкатились вдруг из его глаз» [5, с. 287]). Это своеобразное восхождение через страдание.

Муму – подобие хозяина, «сторожила отлично», не подавала голоса зря и отличалась от старого пса Волчка, который уже не исполнял своих обязанностей. Муму – своеобразный двойник Герасима, его телесно-духовное продолжение. Муму – своеобразное до воплощение Герасима, в ней преодоление его телесных недостатков (его немоты) и обретение равновесия с миром. То, что не слышит хозяин, слышит собака. Муму, вопреки бессловесности Герасима, словно совершает первую попытку взбунтоваться, защищая своего беспомощного и безответного хозяина: барыня «нагнулась и хотела погладить ее, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы» [5, с. 279].

История Муму обрамлена «водой», несущей семантику гибели. Нашел Герасим щенка, когда тот барахтался в воде, «в тине у самого берега» [5, с. 275] и всю свою любовь, все свое внимание он обратил на собаку. Для него она стала не просто питомицей, «ни одна мать так не ухаживает за своим ребенком» [5, с. 276]. Это было одно единственное из всех живых существ, которое на любовь, ласку и заботу отвечало взаимностью. Символично то, что Герасим находит Муму в воде. Он взял себе словно часть природы, природе же он ее и отдал, когда не стало возможности держать ее у себя.

Кличка собаки – это подражание «речи» Герасима, он подзывал ее мычанием, на это звуко сочетание откликается собака, такое имя она и получила. Это звук, извлекаемый Герасимом, – единственный, который он может издавать. Имя – в зоне контакта, в зоне понимания, это соприкосновение душ в материальном мире. И в этом нерасторжимость Герасима и Муму.

Зеркальность сюжета – в пересечении судеб: неспасенная Татьяна и спасенная Муму. Но Муму повторяет судьбу Татьяны – Герасим своими руками ее губит. Правда второе насилие пробуждает его душу и готовит протест.

Две ситуации связаны мотивом спасения. Через гибель Муму Герасим загубил свою душу, но обратившись в бегство от барыни, он разорвал путы, освободился, встав на путь искупления.

«Начала» и «концы» рассказа рифмуются: вспаханная земля, на которой работает вскормленный ее грудью Герасим, – женские ипостаси персонификации Земли в Татьяне и Муму (при этом старая барыня как персонификация Смерти: она вскоре после бегства Герасима сама умерла) – деревня, родина-Мать и возвращение в лоно природы («Он торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине, как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне, в чужих людях» [5, с. 289-290]).

«Дорога» обрамляет историю Герасима. В начале рассказа отмечен его насильственный увоз: «поставили на вагон железной дороги – и вот, обдавая его тучное тело то дымом с искрами, то волнистым паром, мчат его теперь, мчат со стуком и визгом, а куда мчат – бог весть!» [5, с. 264]. Семантика железной дороги в русской литературе общеизвестна. Возвращение – пешком, свободный жест человека, возвышающегося над чужой жестокостью, глупостью, бессердечием.

Только в конце рассказа появляется описание природы, именно в эпизоде, когда Герасим утопил Муму. В этом фрагменте автор делает акцент на том, что Герасим глухонемой. Этот день был безмолвен и беззвучен. Т.В. Барсукова в своей диссертации отмечает: «Тишина в русской философии представляется как торжество истины, добра и красоты, отражается в темах сострадания, любви и веры» [1, с. 6]. Эта тишина способствует погружению в собственную душу. Герасим не слышал ни плеска воды, ни визгов Муму. Природа будто не заметила этой трагедии. Герасим видел только, как широкие круги разбегались по воде, напоминая ему о произошедшем. «Вода» и «душа» связаны семантикой глубины: вместе с Муму утонула душа Герасима.

Второй эпизод с описанием природы в финальной сцене – уход Герасима от барыни. Это была ночь, такая же тихая и теплая, как в предыдущем фрагменте: «Перепела сотнями гремели кругом, взапуски перекликивались коростели» [5, с. 290]. Природа пела, она передавала радость Герасима от того, что он ушел от барыни, которая заставила сделать его самый страшный поступок в его жизни. Темное, грозное он оставляет в прошлой жизни, впереди ждет только светлое: «звезды, светившие его путь», «восходящее солнце озарило лучами» [5, с. 290].

Герасим уходил от барыни на закате солнца, природа словно спрятала его, утаила от всех. Но когда он ушел уже достаточно далеко от Москвы, взойшло солнце, все ярче и ярче освещая ему долгий путь домой. Герасим природен, един с природой, поэтому она защищает и благоприятствует возвращению домой.

Путь Герасима домой оформлен запахами. Для глухонемых работают обонятельные и осязательные рецепторы. Автор фиксирует появление запаха: Герасим вдыхает запах ржи. Рожь в данном случае – символ дома, родины, ее неповторимой красоты. По замечанию С.А. Гринберга: «С ними (запахами. – Е.С.) связаны воспоминания о родной земле, чувство любви и тоски по ней» [2, с. 55]. У Герасима этот запах ассоциируется с домом, где он работал в поле и с волей. Обратим внимание на то, что в городе он был нечувствителен к запахам.

Запах природы, естественный, настоящий запах, который ощущает Герасим, – знак возвращения в лоно природы. Герасим освобождается от городских оков, сбрасывает с себя тяжелое бремя и обретает свободу, вдыхая запах природы.

Дорога домой сравнивается со стрелой: так выражается его решительность и стремление вернуться к прежней жизни. Он торопился, «спешил без оглядки», «с несокрушимой отвагой», с «радостной решимостью» [5, с. 289].

Автор подчеркивает: «Видел в небе несчетные звёзды, светившие его путь» [5, с. 290]. Звезды в данном случае выступают как спутники Герасима. Они, как и вся природа, благоприятствуют его возвращению домой, освещают его дорогу. Встреча с родиной дарует катарсис, необходимое просветление, духовное восхождение.

Используемая литература

1. Барсукова, Т.В. Феномен тишины в живописи: сравнительный анализ: автореф. ... дис. канд. искусствоведения. – Челябинск, 2011. – 23 с.
2. Гринберг, С.А. Символические образы зерна, ржи и хлеба как воплощение поэтической концепции бытия белорусов // Вестник РУДН. – 2010. – №4. – С. 52-56.
3. Мануковский, В. Почему Герасим утопил Муму? [Электронный ресурс]. – URL: https://www.syl.ru/article/188547/new_pochemu-gerasim-utopil-mumu-psihologicheskiy-analiz-proizvedeniya-i-s-turgeneva-mumu. – Заглавие с экрана.
4. Турбанов, И. Свет, тени, звук и тишина в повести И.С. Тургенева «Муму» / И. Турбанов // Топос: лит. худ. журнал. 28.12.12. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.topos.ru/article/literaturnaya-kritika/svet-teni-zvuk-i-tishina-v-povesti-turgeneva-mumu> (дата обращения: 09.01.2020). <https://www.topos.ru/article/literaturnaya-kritika/svet-teni-zvuk-i-tishina-v-povesti-turgeneva-mumu>
5. Тургенев, И.С. Собр. соч.: в 12 т. Т.5: Повести и рассказы 1844–1853 годов. – М.: ГИХЛ, 1954. – 463 с.